

«Неизвестный» Калашников

14 марта

Не претендуя на открытия или сенсации, в серии очерков мы постараемся рассказать о том, что известно немногим или, на наш взгляд, осталось за рамками официальной биографии М. Т. Калашникова. Надеемся, это поможет заинтересованному читателю увидеть за «всемирно известным брендом» образ живого человека, его судьбу, полную испытаний, труда, поражений и побед*.

Из рода Калашниковых...

Сама фамилия «Калашников» входит в число старинных русских фамилий, образованных от мирского имени родоначальника, прозвища по роду деятельности. Как пишут историки и лингвисты, прозвание «Калашников» получали дети по именованию рода занятий отца — пекаря и продавца калачей. Владельцы лавок в калашных рядах были всегда довольно состоятельной прослойкой общества в крупных городах.

Впрочем, имя «Калач» или «Калаш» могли дать новорожденному и сами родители, желая ему безбедной и сытой жизни: считалось, что имя сильно влияет на судьбу человека. «Как вспоминали мои сестры», — писал сам Михаил Тимофеевич, — «фамилия прадедов по отцовской линии якобы была не Калашниковы, а Калашник, а во второй половине девятнадцатого века они, добавив окончание „ов“, изменили ее на русский манер».

Дед Михаила Тимофеевича по отцу, Александр Владимирович Калашников (Калашник)— выходец из Малоросии, из казацкого села Славгород Ахтырского уезда Харьковской губернии (это недалеко от села Диканька, воспетого Гоголем, ныне Краснопольский район Сумской области Украины), единственный сын сельского учителя. До наших дней в этом селе сохранилась Троицкая церковь, в которой 2 февраля 1883 года был крещен и его единственный сын — Тимофей Александрович Калашник — будущий отец оружейника (родился 1 февраля 1883 г.)

Из Славгорода Калашниковы переселились в казацкую станицу Усть-Тигиньская (ныне село Отрадное) на Кубани. До 1900 года у крестьян-переселенцев был существенный стимул к перемене мест: на каждого рожденного казака-мальчика со дня рождения выдавался земельный пай в 19 десятин. Однако, населив станицы, правительство стало постепенно урезать льготы казакам: после 1900 года земельный надел на каждого уменьшили до 9, а затем и до 6 десятин.

В Усть-Тигиньской 18-летний Тимофей обвенчался с 17-летней Александрой Фроловной Ковериной (1884—1957гг.) из многодетной семьи зажиточных крестьян Орловской губернии. По семейным рассказам, в роду у Ковериных были священники. Замуж за крестьянина Калашникова мать Михаила вышла по любви, хотя и вопреки желанию своих родителей: семья избранника была работающая, но не богатая.

М. Т. Калашников вспоминал:

«Поженившись... мои родители сразу же стали строить обычный для тех мест саманный (турниковый) дом — „мазанку“, завели скот. В 1903 году у них родилась первая дочь Парашка (Рая), в 1905-м — Гаша (Агафья), а в 1907-м — сын Виктор. По рассказам родителей, места эти были похожи на потерянный рай... Все в нем жили отраднo, и там росли удивительные плоды: яблоки, „баргамоты“, абрикосы, „гранклет“ ...»

Между тем, в конце XIX — начале XX, с 1906 г. строительство Транссибирской магистрали и реформы правительства Столыпина и сокращение земельных наделов резко увеличили миграцию российского крестьянства в Сибирь. В 1912 году в Южную Сибирь, в далекий и неведомый край Алтайский за лучшей долей отправились и Калашниковы.

В знаменитом «столыпинском» вагоне, — задняя часть этих вагонов предназначалась для крестьянского скота и инвентаря, — семья добралась до Ново-Николаевской (Новосибирска). Потом больше месяца двигались на личном тягле, прикупив по дороге коня и телегу.

Наконец, семья обосновалась в селе Курья Барнаульского уезда Томской губернии (с 1917 года — Алтайская губерния, выделенная из Томской). Дом, в котором жила большая семья Калашниковых, в Курье не сохранился, нет даже его фотографии. Известно, что он был глинобитным, и находился на самой окраине села, теперь уже нежилой, на берегу реки Локтёвки, у небольшой горы Святухи.

Мать, Александра Фроловна Калашникова, в девичестве Каверина (1884–1957), дочь священника. Отец Тимофей Александрович Калашников (1883–1930) — крестьянский сын. <https://ar.culture.ru/ru/subject/mat-i-otchim>

Именно в Курье, поздней осенью 1919-го года** у Калашниковых родился сын Михаил, как считается, — семнадцатый ребёнок в семье. По словам дочери Калашникова, Елены: «У бабушки спрашивала — она сама не

помнила, каким по счету был Миша. Всего выжили шесть братьев и две сестры. Другие дети при рождении умирали, кто их считал...».

Из девятнадцати детей, которых родила Александра Фроловна, выжили восемь: — Виктор, Иван, Андрей, Михаил, Василий и Николай, и две девочки — Агафья и Анна.

Имя новорожденному досталось в честь архистратига Михаила — покровителя русского воинства, поскольку мальчик появился на свет накануне христианского праздника — Собора Архистратига Михаила.

М. Т. Калашников, навещая Курью, вспоминал: «... Как вижу ковыль, сразу перед глазами мамка, братья босоногие... Нас у родителей было шесть сыновей и две сестры, чтобы прокормить такую ораву, родители держали много скотины. С малого возраста приучен и корову доить, и кур кормить...»

На левой ладони у Калашникова на всю жизнь остался небольшой шрам — «...это я девятилетним мальчишкой первый раз пошел с отцом на сенокос и так серпом размахнулся, что резанул руку. Взял горстку земли, присыпал и, скрипя зубами, работал. Вот теперь отметка, но я ею тоже горжусь.

Сельская работа мне близка...» «...техники никакой не было. Когда у нас первый трактор колесный появился, мы за ним, наверное, несколько километров бежали, чтобы посмотреть, как это он без лошадей двигается.»

А в 1928–1931 годах в СССР началось массовое «раскулачивание» и выселение «кулаков» на сибирский север. В самой Курье тогда была раскулачена и выслана половина крестьянских семей. В 1930 году «актив» и комсомольцы села пришли и в дом Тимофея Калашникова. Имущество, дом, земельный участок были отобраны, скот прирезали тут же во дворе.

Две старшие сестры Михаила — Агафья и Анна уже создали свои семьи и поэтому остались в Курье. Выселению подлежал и старший сын, семейный Виктор, однако, у него только что родился сын, и он спрятался на время у добрых людей. Позже его арестовали, осудили как члена «кулацкой семьи» и направили на три года на строительство Беломорканала. Виктор пробыл там 7 лет, поскольку трижды пытался бежать и с каждым разом прибавлял себе срок.

Остальное семейство в начале зимы, вместе с малыми детьми (старшему Ивану — 16 лет, школьники — Василий и Михаил, младшему Коле — 4 года) отправили на спецпоселение в таёжную Сибирь, на необжитые места, в деревню Нижняя Моховая (в то время Нарымский округ Чаинского района, ныне Бакчарский район, в 15 км от села Парбиг).

От станции Тайга до Бакчарского района они шли пешком. Жили переселенцы поначалу в бараках, расчищали в лесу делянки для поселения, разрабатывали целину под огороды, надеялись на охоту и рыбалку, грибы-ягоды и орехи.

Первые поселенцы в этих местах появились в 19 веке — 280 семей кержаков (староверцев), потом добавились переселенцы столыпинские, а в советское время район был выбран в качестве места ссылки раскулачиваемых.

Семья М. Т. Калашникова: супруга Екатерина Викторовна, дочери, мать и отчим. 1953–1954. / Фото: www.izdania.unatlib.ru

Отец Михаила, Тимофей Александрович, умер в первый же год ссылки, в метельном декабре, от туберкулеза. Мать вышла замуж за вдовца с двумя детьми. Отчим Михаила Калашникова, Косач Ефрем Никитович, также был ссыльным, говорил по-украински.

Памяти жертв политических репрессий. На этом месте в 1930-50-е годы существовал **СПЕЦПОСЁЛОК** Нижняя Моховая. Здесь находились на спецпоселении раскулаченные крестьяне Алтайского края, многие из которых остались лежать в этой земле навечно. Среди безвременно ушедших из жизни спецпереселенцев был отец знаменитого оружейного конструктора Калашникова Михаила Тимофеевича - Тимофей Александрович, семья которого была сослана в Нижнюю Моховую в 1930 году. Скорбим и помним.

Октябрь 2016г.

В наши дни в урочище Нижняя Моховая (деревни этой уже нет) усилиями местных жителей установлен был поклонный крест — в память о всех невольных переселенцах края.

Школьные годы

Говорят, все мы вышли из детства, а значит — из школы. Школьные годы — чудесные или не очень, оставляют свой след в душе навсегда. Более того, в зрелом возрасте, мысленно оборачиваясь назад, кто из нас не удивлялся: а ведь истоки и всего образа жизни, и профессии, и круга интересов все-таки — там, там...

Отец Калашникова, Тимофей Александрович имел всего два класса церковно-приходской школы, мать Александра Фроловна была малограмотной, но Миша Калашников пошел в школу, уже умея читать и писать — выучился у старших детей в семье. Учился он с охотой, на всю жизнь запомнил первую учительницу — Зинаиду Ивановну, которая, по его словам, «большим терпением и добротой воспитывала таких разных по своему физическому и умственному развитию, деревенских ребятишек».

В Бакчарском районе Нарымского края, где оказалась семья Калашниковых после раскулачивания, до 1937 года существовало разделение школ: комендатурские, спецпереселенческие — для детей сосланных, и — коренная школа в Парбиге, где учились дети местного населения.

В деревне Нижней Моховой была только школа- четырехлетка. По воспоминаниям одноклассника И. В. Мельникова, в 1933 году, окончив в своей деревне 4 класс, они с Мишей Калашниковым решили учиться

дальше и пешком махнули за 35 км в село Высокий Яр. Мест в пятом классе не оказалось, а, чтобы поступить в шестой, нужно было сдать экзамены по русскому языку и математике. Мальчишки экзамены сдали успешно и уже собирались в эту школу, но тут в соседней Воронихе открылась неполная средняя школа. Из всех окрестных поселков от Новой Бурки до Парбига сюда собралось почти 100 пятиклашек — три класса. По воспоминаниям старожилов «...в Воронихе только один местный был — охотник Воронин и жил он на заимке. И тот неизвестно куда исчез с появлением переселенцев. Остальные все были сосланные с Алтая, и т.д. был даже один дед Саид Нашитович Хусин — сириец.»

М. Т. Калашников: «В школу в Воронихе ходили пешком — это 15 км. На неделю, а то и на две мать наготовит еды — и в дорогу. Определяли там на квартиры. Домой я ходил только раз в неделю — в воскресенье. Зимой тяжело было ходить, потому что по болоту ходили, по настилу из бревен. Называется „голья“ — трясина ужасная, иногда и брызжет оттуда гнилой водой. Там я и закончил школу — восемь классов. Это уж я девятый прибавил от себя».

В школе не было «...ни учебников, ни тетрадей, ни вообще хоть какой-нибудь бумаги. Мы списывали все чистые „островки“ в газетах и книгах. Делали тетрадки даже из березовой коры. Берестяные грамотки расшифровывают сейчас ученые в старинном Новгороде, а сколько бы могла рассказать наша воронихинская береста, политая потом, покрытая пятнами чернил и раздавленных комаров-кровососов?! У нас даже появились подобия учебников на коре: помню, как я сам по просьбе учительницы вырезал таблицу умножения для младших классов».

Несмотря на это, ссыльные школы были своего рода замечательные — как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Учителями в них были в основном ссыльные политические переселенцы из Москвы и Ленинграда, с университетским образованием; в школе работали технические кружки, драмкружки, ставились пьесы.

Учеба Мише Калашникову давалась без затруднений, особенно увлекали литература, геометрия и физика. Как писал сам Калашников: «Именно на этой почве я подружился с нашим учителем физики, уже достаточно пожилым человеком, появление которого в наших местах было окружено сочувственной тайной. Учеников, которые выделялись своими знаниями, он отличал и называл на старинный манер: я у него был Калашников Михаил Тимофеев».

Например, Михаил Тимофеев не на шутку увлекся идеей соорудить вечный двигатель: "...Даже чертежи делал, несколько лет мучился... Но не было возможности найти нужных ... миниатюрных подшипников, строго калиброванных по размеру и весу шариков. Их не было ни в Нижней Моховой, ни в Воронихе. Попадись они мне в ту пору, может, судьба моя сложилась бы несколько иначе...

«Понимаешь ли, Михаил Тимофеев, — говорил ему учитель физики, — «лучшие мировые умы уже давно сошлись на том, что создание вечного двигателя невозможно. Но ты так убедительно доказываешь обратное! ...Ну, если сработает — пятерку получишь».

Кстати, опыт у юного изобретателя к тому времени был изрядный: уже 6-летний Миша пытался сделать деревянные коньки. Но нужного материала — в Курье тогда и любую железку надо было поискать! — и проволоки хватило только на один конек. Пришлось испытывать коньки на речке в одном экземпляре. Закончилось все тем, что конькобежец попал в прорубь и едва не утонул — спасла шуба с плеча старшего брата, удержала на воде. После коньков настала очередь велосипеда, — но он не получился.

У школьника Калашникова непреходящее любопытство к любым устройствам не прошло: он постоянно набивал свои карманы всяческим «железом», а, если в его руки попадался какой-нибудь неисправный механизм, — тут же принимался его исследовать: «Сперва я тащил находку домой и надежней припрятывал в свой тайник на чердаке. Улучив момент, доставал ее, брал в сарае отцовский инструмент и уходил за дом. Там раскручивал, отвинчивал, разбираал: мне было очень интересно узнать, как

же эта штука работала и почему не работает сейчас? ... если удавалось восстановить механизм, я был очень доволен собой и гордо выходил из своего укрытия победителем!»

Подростку Калашникову впервые довелось разобрать и настоящий браунинг: «Трясущимися руками я принялся разбирать эту чудо-технику. Все было покрыто ржавчиной, и, тем не менее, я быстро справился с разборкой. ... Тут мне открылся новый мир механизмов — мир оружия!».

Школа из Воронихи впоследствии была переведена в Парбиг. Сегодня средняя школа в Парбиге носит имя М. Т. Калашникова.

**В очерках использовано большое количество открытых источников — книги М. Т. Калашникова, публикации различных СМИ и книжные издания, а также — архив пресс-центра ИжГТУ. Всем уважаемым авторам этих материалов, указать которых просто не представляется возможным, приносим свою искреннюю благодарность.*

** Биографы отмечают, что в списках сосланных в Сибирь и в данных переписи населения указан другой год рождения М. Т. Калашникова — 1917 год. Эта дата могла быть как ошибкой, так и намеренно исправленной самим Калашниковым в справке для получения паспорта в 1937 году при побеге из ссылки.*